

Упадок и крушение личности

Кеннет Дж. Джерджен

Gergen, K. J. (1992). The decline and fall of personality. *Psychology Today*, 25(6), 59-63.

Перевод Андрея Корбута

Мы слушаем, как Джордж Буш произносит речь, но знаем, что ее сочинила команда экспертов. Мы видим кандидатов в президенты, столь искренних и уверенных в себе, но понимаем, что требуются многие часы подготовки, чтобы производить подобное впечатление. Нас притягивает их личная жизнь и то, сколько времени требуется, чтобы ошеломляющие откровения попали в прессу. На различных ток-шоу мы слышим, как «откровенничают» звезды, однако осознаем, что даже самые душераздирающие их секреты рассчитаны на продвижение карьеры. Слушая выступление чиновника на ежегодном собрании, мы знаем, что каждая деталь его одежды должна оказывать воздействие, каждое слово призвано убеждать. Наблюдая за тем, как профессор читает лекцию, мы понимаем, что даже небрежный костюм и неформальные манеры тщательно продуманы.

Многие из нас верят в то, что где-то за всеми этими масками скрывается реальная личность, что все эти ролевые игры — лишь фикции. Мы можем также верить в то, что ради благополучия общества и себя самих мы должны прекратить разыгрывать роли и стать такими, какие есть на самом деле. Но если вы случайно начинаете сомневаться в том, что за фальшью спрятано подлинное Я, и ощущаете, что маска, возможно, и есть настоящее лицо, что «имидж — все», вы вступаете в новый мир постмодернистского сознания.

Двадцать лет назад мне было сделано почетное предложение написать заглавную статью для журнала «Психология сегодня», в которой я обрисовал многочисленные маски, которые мы должны надевать, сталкиваясь с вызовами повседневной жизни. Вместо того чтобы считать личностное непостоянство и непоследовательность основанием для тревоги, и, возможно, причиной применения терапии, я обратился к их позитивным возможностям. Отказавшись призывать людей стремиться к устойчивой и фиксированной идентичности, я представил ее как ограничивающую и во многих отношениях несостоятельную. Я полагал, что те, кто демонстрирует разносторонность и гибкость, более здоровы и более полноценны.

Статья была провокационной; ее несколько раз переиздавали как в Соединенных Штатах, так и за рубежом; она даже стала темой телепередачи. Очевидно, я коснулся больших вопросов, подвергнув сомнению традиционную ценность нерушимого ощущения самотождественности, понимания того, чему и кому я предан. В то же время многие читатели проявили любопытство или испытали облегчение; многие чувствовали ограниченность старых добродетелей последовательности и подлинности.

Поскольку эти вопросы играют заметную и важную роль в нашей жизни, я продолжил размышлять над ними. С одной стороны, выступая за фиксированную идентичность, мы также выбираем устроенные и предсказуемые жизненные пути, надежность, долгосрочные обязательства и чувство безопасности и спокойствия. Нас приводит в ужас одна только мысль о том, что все это может исчезнуть. Но мы не живем больше в мире, который придает наивысшую ценность этим способам жизни, и, даже если это приносит боль, мы должны все время ставить под вопрос адекватность прошлых традиций вызовам настоящего. Это уже теперь, задним числом, я вижу, что мои интересы двадцатилетней давности были частью более широкой культурной истории — одной из глав повести, персонажами которой все мы являемся.

В этой повести рассказывается о культурных преобразованиях, достигших сегодня небывалого размаха, преобразованиях, избежать которые у нас мало шансов. Это также повесть о том, что все мы утрачиваем свои идентичности, а также последовательную и преданную жизнь, сопутствующую им. Но, быть может, если мы окажемся достаточно мудры и удачливы, то все же сумеем написать историю со счастливым концом. Мы выживем, если откроем свою сущностную связь с другими.

Для начала посмотрим, в каких компонентах нуждается центрированная идентичность. Что скрепляет личность, придавая ей заданное направление? Подобный вопрос сложно осмыслить в вакууме — в отрыве от культурного языка самопонимания. У нас нет иного выхода, кроме как положиться при ответе на совокупную мудрость прошлого. Мне кажется, сегодня мы являемся наследниками двух основных традиций. Обе пользуются влиянием, обе способствуют ощущению сильной и стабильной идентичности и обе теперь находятся под угрозой.

Первая из них — *романтическая* традиция, которая достигла своего расцвета в позапрошлом столетии. В значительной степени именно романтической традиции мы обязаны своей верой в глубинное и неизменное ядро идентичности, ядро, в котором заключен сам дух жизни. Такие поэты, как Шелли, Китс и Байрон; такие композиторы, как Бетховен, Брамс и Шопен; множество философов, живописцев, архитекторов, богословов и др. нарисовали яркий портрет романтического Я. Оно представляет собой захватывающую сумму могучих сил, скрытых под поверхностью сознания, в самой глубине человеческого существа.

Когда-то эти силы определили индивида, дав ему необходимое основание для существования. Одни считали эти силы душой, другие видели в них кипящие страсти, некоторые представляли их себе темными и опасными. Однако эти силы неизменно были необычными, и их проявление (в преданной любви, верности и дружбе) виделось достоинством, если не подвигом. Сила этих страстей была такова, что человек способен был испытывать настолько глубокую печаль при потере любимого, настолько сильную тоску и муку, что самоубийство могло показаться ему привлекательной возможностью. Глубинный внутренний мир также считался источником вдохновения, творчества, гениальности, морального мужества, даже безумия.

Романтизм по-прежнему широко представлен в культуре. Он жив в повседневном мире: в популярных песнях, телевизионных «мыльных операх» и эпических фильмах. Без романтического словаря были бы по большей части невозможны ухаживания, свадьбы и похороны. И если нас спросят, почему мы считаем, что наша жизнь достойна того, чтобы ее прожить, большинство станут говорить о глубинных жизненных силах.

Романтические представления продолжают занимать также прочные позиции в психотерапевтических кругах. Теории Фрейда и Юнга, например, являются детищами романтической традиции. Если бы не их поэтические и художественные предшественники, то вера Фрейда в динамику бессознательного и стремление Юнга к поиску первичных архетипов оказались бы бессмысленными. Когда современные терапевты говорят о тенденциях самоактуализации, первородных криках, катарсисе, защитных механизмах и ребефинге, они не дают угаснуть романтическому огню. Они делают реальным глубинный внутренний мир Я.

Но для большинства роман с романтизмом уже закончен. Исследователи культуры в общем сходятся в том, что романтизм потеснили такие перспективы, способы жизни и концепции Я, которые мы сегодня называем *модернистскими*. Как культурное движение модернизм берет свое начало главным образом в индустриализации, мировых войнах и научных открытиях.

Восхищение теперь стал вызывать не глубинный внутренний мир индивида, а перспективы и возможности, которые открывают технологии. Настало время «заняться делом» и «идти в ногу с прогрессом». Казалось, ученые начали управлять фундаментальным порядком вселенной — покоряя энергию, позволяя летать, лечь болезни и наполняя дома восхитительными и удобными устройствами.

Глядя на такое всемогущество, можно было действительно решить, что наконец-то построен мир Утопии.

На волне всеобщего оптимизма философы решили разработать правила процедуры, с помощью которой подобного прогресса могла бы достигнуть любая культура. Рациональный поиск оснований позволил композиторам отвергнуть популярные конвенции и обратиться к тональным экспериментам; вдохновил балетмейстеров на отказ от балета и выявление элементарных движений (что называется теперь современным танцем); стимулировал поэтов к тому, чтобы в стихах отдавать приоритет формальным моментам, а не чувству. Модернистская архитектура стремилась свести дизайн к наиболее функциональным элементам, тогда как искусство модерна отказалось играть декоративную роль и занялось поисками сущности формы и цвета.

В модернизме Я начало постепенно переопределяться. Акцент сместился с глубинных и тайных процессов на человеческое сознание здесь и теперь. Глубинный внутренний мир романтика перестал казаться таким уж важным; разговоры о душе, страстях, моральном мужестве и вдохновении начали восприниматься как причудливые и излишние для существования в материальном мире. Для выживания в этом сложном мире модернист нуждался в сознательных способностях внимательного наблюдения и тщательного размышления. Только эти качества и позволяют осуществлять прогресс.

Если романтики помещали в центр существования драму, страсть и глубину, то модернисты ценили эффективность действия, ровное и стабильное функционирование, достижение цели. Различие установок в отношении любви в этом смысле показательно. Для романтиков любовь была всепоглощающей, ради нее жили (или умирали), она была непредсказуема и из-за нее можно было дать обет верности на всю жизнь или навечно. Модернист разрабатывает технологию выбора партнера с помощью компьютерного программного обеспечения. Опросники на совместимость заняли место любви, подобной удару молнии.

Модернистские представления о Я сегодня доминируют в профессиональной психологии. Большая часть исследований строится на том предположении, что психологи могут использовать свои умения наблюдать и рассуждать, чтобы управлять основами человеческого функционирования. Здесь, по определению, нет никаких таинственных резервуаров, души, вдохновения и злых сил, которые скрыты в глубине индивида.

Наоборот, для современных психологов люди во многом походят на машины с системой ввода/вывода: то, что они делают, зависит от того, что поступает. Главный психологический ингредиент Я — мышление или познание. Познание, в свою очередь, тоже машиноподобно и оперирует как компьютер. Предполагается, что с ростом умения предсказывать и контролировать человеческое поведение можно будет создавать такие программы, которые смогут менять и исправлять индивида. При помощи социальной инженерии правильные личности можно будет изготавливать словно автомобильные моторы. Если индивиды станут давать сбой, терапевты, наподобие механиков, будут снова налаживать их. Практика модификации поведения и когнитивная терапия — главные технологии исправления — определяют Я в модернистских идиомах.

Однако есть серьезные основания полагать, что модернизм, продолжая доминировать, сегодня постепенно распадается как культурное движение. Уже обозначились новые культурные обстоятельства, которые многими характеризуются как *постмодернистские*. Под подозрение в качестве исходных моментов человеческого существования попадают не только душа, страсть и творческий потенциал, но и рациональное мышление, а также эффективный контроль собственных действий. Мы неодолимо теряем веру в то, что позади маски кроется последовательная, идентифицируемая субстанция. Чем пристальнее мы всматриваемся, тем труднее понять, «кто дома».

Какова движущая сила перехода к постмодернизму? На мой взгляд, центральным ее компонентом является технология, точнее говоря, набор технологий, которые обрушивают на нас лавину социальных отношений, как

прямых, так и опосредованных. Телефон, автомобиль, радио, телевидение, кино, массовая печать, ксерокс, магнитофон, городской транспорт, национальная система шоссейных дорог, сверхзвуковые перелеты, спутниковая связь, видеоманитофон, компьютер, факс, мобильный телефон — все эти вещи появились в XX в., причем по большей части за последние 50 лет. Они стремительно распространились и стали стандартным снаряжением нормальной жизни.

При этом они расширяют диапазон нашей социальной жизни. Наше социальное существование больше не привязано к сельскому поселку, пригородной общине или городскому кварталу. Просыпаясь под «Доброе утро, Америка», читая газеты, слушая ток-шоу по радио, отправляясь на работу за несколько миль, встречаясь с людьми со всего земного шара, отвечая по факсу и электронной почте, отвозя детей на общегородские игры, проверяя автоответчик, звоня в отдаленные уголки, навещая старых друзей за городом, заказывая билеты на самолет до Кариб и поздно вечером переключая каналы кабельного телевидения, мы беспрепятственно потребляем социальный мир и потребляем им. Мы сталкиваемся с б_льшим числом мнений, ценностей, личностей и способов жизни, чем любое другое поколение в истории; количество наших отношений быстро растет и их варианты неисчислимы: прошлые отношения продолжают жить (на расстоянии телефонного звонка), а новые лица тут же забываются. Короче говоря, произошел взрыв социальных связей.

Какое влияние этот взрыв оказывает на наше самоощущение, ощущение того, кто мы такие и что мы считаем главным? Каким образом он разрушает веру в романтический внутренний мир или в рациональный центр Я?

Во-первых, происходит *население Я*, т. е. Я впитывает в себя других. Без конца встречаясь с другими, мы быстро расширяем диапазон оценок, пониманий и возможностей действия, доступных нам. Под влиянием друзей, знакомых, родственников, средств массовой информации и др. мы начинаем видеть и чувствовать множество различных, в том числе противоположных, возможностей существования.

Мы допускаем гомосексуальность, одновременно признавая обоснованность возражений против нее; нас побуждают испытывать гетеросексуальные влечения и одновременно рассматривать себя способными как на гомосексуальные побуждения, так и на гомофобные реакции. Вследствие этих тенденций мы также начинаем понимать рациональность гермафродитизма — выраженности характеристик обоих полов, — и различные аргументы против выпячивания гендерных различий. Нас населяет множество потенциальных личностей, каждая из которых обоснована и достойна в соответствии с определенными критериями, в определенных отношениях, в определенном контексте. Где в этой мешанине подлинное Я, истинные чувства или рациональное ядро? Перефразировав поэта Уолта Уитмена можно сказать: «Мы вмещаем в себе множество людей».

Ощущение централизованного Я также начинает распадаться под действием *требований многочисленных аудиторий*. В одной замечательной сцене из фильма «Багси» кровожадный гангстер (в исполнении Уоррена Битти) отчаянно носится из одной комнаты своего особняка в другую. Едва переводя дыхание, он разыгрывает роль приветливого хозяина на вечеринке по случаю дня рождения своей дочери, затем бросает ее, чтобы уверить сомневающуюся жену в искренней привязанности, после чего эффектно появляется в соседней комнате, чтобы своим развязным видом произвести впечатление на приятелей-гангстеров, и все ради того, чтобы успеть на окончание вечеринки своей дочери. Когда мы смеемся, жалея и презирая этого бедолагу, мы одновременно смеемся над собственной жизнью, потому что социализирующие технологии возводят громадный особняк, полный конфликтующих требований, для каждого из нас.

Посмотрите на того сегодняшнего беднягу, который обязан в одно и то же время проявлять профессиональную ответственность, мягкую и романтическую чувственность, мужскую твердость и преданность семье; он должен разбираться в спорте, политике, программном обеспечении, рынке ценных бумаг, механике, еде и вине; у него должен быть круг друзей, фитнес-программа, правильные компакт-

диски, интересные планы на отпуск и внушительный автомобиль — если он, конечно, желает выжить во все более сложном мире. Подобно Багси Сигелю он стремительно перебегает из одной ситуации в другую, меняя манеры, одежду, меру активности, взгляды и ценности. Где в этом хаосе конкурирующих личностей следует ему поместить истинного и реального человека, прячущегося за масками?

Третий способ, которым социализирующие технологии подрывают веру в глубинные или сущностные Я, — *повторение образов*. Бесчисленные репродукции наших способов жизни постепенно лишают их подлинности. Рассмотрим случай любовного увлечения. Согласно традиционным стандартам проявления любви, страсти и желания должны представлять собой спонтанные всплески базового Я — энергетические импульсы, которые внезапно вырываются наружу. А теперь вспомните, сколько раз вы сталкивались с этими проявлениями в телевизоре, начиная с четырехлетнего возраста и до нынешнего дня, в фильмах, книгах и журналах, в рассказах друзей и, конечно, в своей собственной жизни. Вам известны все слова, все движения глаз и рта, все жесты и позы.

От этих бесконечных повторений аутентичность становится все более прозрачной. Сущность постепенно превращается в стиль. Мы перестаем доверять романтическим выражениям, слова застревают в горле. «Где я? В Голливуде? В мыльной опере? В подростковом романе?» И то же самое происходит со всеми остальными дорогими нам проявлениями — религиозной преданностью, печалью, радостным воодушевлением, политическим протестом. При постоянном повторении реальность становится риторикой.

Но, может быть, это еще один способ пожаловаться на печальное состояние современной жизни? Не совсем так. Да, в этом присутствует доля сетования на то, что мы перестали верить во внутреннюю тайну, страсть или вдохновение; что мы больше не являемся авторами своей жизни, не знаем, кто мы, что мы отстаиваем или куда мы идем; что разум отныне не правит нами; что расширение отношений превращает спокойные дни в хаос; что близость становится ритуалом, а верность — прошлогодним пережитком.

Но жалуясь, мы лишь демонстрируем, что наши корни — в прошлом. Если бы мы по-прежнему не придерживались романтической веры в глубинный внутренний мир, стали бы мы беспокоиться о том, что идеи страсти и вдохновения позабыты? И если бы мы не цеплялись за модернистскую идею рационально организованной жизни, был бы хаос проблемой?

Наши дети едва ли испытают те трудности, которые испытываем мы; им будет непонятно, зачем так носиться с реальным, истинным или внутренним Я. И хотя мы переживаем эти трудности, существуют веские доводы в пользу расширения наших горизонтов, потому что от технологий, насыщающих нас другими, не скрыться. Часы культуры не повернуть вспять. И это при том, что, как заявляют многие ученые, социализирующие технологии находятся еще в зачаточном состоянии.

Поскольку мы стоим на пороге будущего, давайте рассмотрим некоторые позитивные перспективы постмодернистской жизни. Распространяющиеся технологии безгранично расширяют возможности человеческого развития. Каждое новое отношение является одновременно шансом, дверью, открытой для роста способности выражения, понимания, умения.

Это особенно заметно в случае молодых женщин. Полвека назад имелась лишь одна эталонная модель, в соответствии с которой женщины могли измерять ценность своей жизни: преданная жена и мать. Ограничения, налагаемые на выражение, поиск и развитие, были жесткими и репрессивными. Сегодня этот образ — лишь один из многих. И хотя повседневная жизнь может предъявлять массу конкурирующих требований, каждая новая черточка в личности — это также новое измерение. Наиболее прекрасные моменты могут даже вызывать опьянение и волнующее ощущение: «Смотри, что я могу делать, чем я могу быть, что я могу видеть, чувствовать и знать!» В такие моменты никто не беспокоится о непоследовательности и несогласованности, никого не интересует, что скрывается за поступками. Мы участвуем в игре, и этого достаточно.

Мы испытываем удовлетворение от постоянных и временами восхитительных открытий. Эти открытия не только обнаруживают новые грани Я, но и позволяют вновь пережить прошлое. В романтическую и модернистскую эпохи нужно было постоянно заботиться об истинности и подлинности: действительно ли это то, что я чувствую, что я думаю, что я есть? Если ответ был «нет», определенные, мешающие планам стратегии избегались. Но если мы прекращаем ставить подобные вопросы, то в принципе ничто не отбрасывается. Прекращая верить в то, что существует некий глубинный и конечный критерий, некое логическое правило или внутренняя сущность, с которыми надо соотносить поступки, мы вольны свободно играть в разные игры, предлагаемые как родной, так и другими культурами.

Романтизм с его разговорами о душах, страстях и вдохновении в модернистскую эпоху во многом утратил свою жизненность; для рационального и объективного сознания подобные разговоры выглядели своеобразным фольклором. Социализирующие технологии еще сильнее подорвали нашу веру в эти измерения Я. Романтические страсти сегодня столь же причудливы, как и старые фильмы. Тем не менее с постмодернистской точки зрения подобные действия являются важным элементом одной из наших наиболее высоко ценимых традиций. Мы можем быть романтиками не потому, что это отражает наше истинное внутреннее ядро, не потому, что это вопрос жизни и смерти, а из-за того, что для нас это один из способов участия в особой форме отношений, предлагаемой нам нашей культурой. Мы можем петь в хоре или играть в американский футбол по воскресеньям не потому, что эти действия «выражают наше истинное Я». Скорее, эти действия являются частью отношений и отсюда обретают ценность.

Если постмодернистская жизнь более богата в плане выражения, то она также менее Я-центрирована. Вера в единичное, последовательное и устойчивое Я может быть тесно связана с алчностью, самомнением и эгоизмом. «Если мое Я отделено от вашего, — говорит логика, — тогда мне мое благополучие дороже вашего». Но с распространением социализирующих технологий вера в самостоятельного, независимого индивида растворяется. Мы все больше осознаем, что все наши выражения, верования, ценности, мысли и желания унаследованы нами от других людей; это скромные дары, которые они среди прочего оставили нам.

Конечно, мы можем быть уникальными и никогда в точности не повторять эти выражения. Но уникальность не самодостаточна, наоборот, она отражает конкретные формы наших отношений. «Я — это вы во мне, — понимает человек, — а вы — это я в вас. Мы едины». С рождением такого сознания эгоизм становится бесполезен. Сохранять свое лицо, стремиться стать внутренне богаче, интересоваться исключительно собой — значит лишать себя истоков самой своей возможности. Если я *противостою* вам, то для меня недоступно то, что питает мое воодушевление, обогащает мой потенциал и наделяет мою жизнь смыслом. Погребенный под осадками прошлых отношений, «я» бы постепенно исчез.

Когда мы переносим внимание с внутреннего мира Я вовне, на отношения, к нам возвращается оптимизм. Мы существуем в обществе, изобилующем конфликтами — между расовыми и этническими группами, религиями, профсоюзами и правительством, мужчинами и женщинами, богатыми и бедными, сторонниками и противниками абортот и пр. Похожая картина наблюдается и на глобальном уровне, где арабы и евреи, мусульмане и индуусы, черные и белые, имущие и неимущие противостоят друг другу. Все эти конфликты основаны на одной логике: каждая группа полагает, что является единственной, замкнутой и независимой, и что она должна отстаивать свои права, привилегии и благополучие перед лицом противоборствующей группы. То есть межгрупповые конфликты основываются во многом на том же ходе мыслей, что традиционно окрашивал наше восприятие Я.

Если социализирующие технологии способны сломить ощущение независимого Я, не следует ли ожидать, что настанет время, когда то же самое

может случиться на национальном и международном уровне? Поскольку технологии усиливают наши контакты с теми, кто представляет другие слои общества, другие системы ценностей и другие культуры, мы можем расширять дальше наш диапазон пониманий и оценок. Налаживая отношения в бизнесе, управлении, образовании, искусстве и т. д., мы можем развивать наше чувство взаимозависимости. Разве не впитали уже американцы множество японских представлений, вкусов и оценок, и наоборот? А наша экономика — не зависит ли она от их экономики, и наоборот? В этом смысле не существует самостоятельной американской идентичности. Америка является Америкой потому, что включена в отношения.

И последнее. Поскольку социализирующие технологии продолжают свою экспансию, мы можем переходить от Я-центрированной системы веры к осознанию неразрывной связи с другими. Возможно, тогда наши постмодернистские Я помогут сделать земной шар лучшим местом для жизни.